

Крикливец Е.В.
ОСМЫСЛЕНИЕ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В ПРОЗЕ В. АСТАФЬЕВА И В. КОЗЬКО

Военные произведения, как русских, так и белорусских писателей, проникнутые глубоким пониманием трагической сущности человека, и сегодня вызывают у читателя чувство сопереживания, отличаются философским размышлением над судьбой отдельного человека как части общества и позволяют говорить о наличии в них феномена так называемого «двойного видения» войны, который в полной мере проявился в произведениях 60-х годов, когда в литературе пришло поколение «детей войны».

В центре внимания нашего исследования – произведения В. Астафьева и В. Козько на военную тематику. Проблематика и поэтика творчества этих писателей имеют общие точки соприкосновения, обусловленные социокультурным пространством двух государств, общей картиной славянского мира, мировоззрением художников. Изучение прозы русского и белорусского авторов осуществлялось на сравнительно-типологическом уровне.

В последней трети XX века после страшных социальных потрясений, сломавших жизненные устои и привычный миропорядок, в творчестве писателей особенно актуальным становится *дом* как прибежище от исторических катаклизмов. Принципиальное значение для понимания идейной концепции военных произведений В. Астафьева и В. Козько, а также для их сравнительно-типологического анализа имеет *топос дома* в его социальном аспекте.

Для обоих писателей характерно выстраивание оппозиции *дом – антидом*. *Дом (дом-семья)* являет собой определенную модель взаимоотношений между людьми. В семье человек чувствует себя нужным и защищенным. Так, центральные герои романа В. Астафьева «Прокляты и убиты» – Лешка Шестаков, Коля Рындин, Ашот Васконян, лейтенант Щусь, – которым в условиях казарменного быта и войны удалось сохранить человеческое достоинство, воспитывались в социально различных семьях (крестьянской, старообрядческой, интеллигентской), но все эти семьи были основаны на любви и уважении друг к другу. Кстати, о семье политрука Мусенка вообще ничего не известно, и это нельзя не расценить как способ выражения авторской позиции. По отношению к *дому-семье антидомом* становится место случайного объединения людей, которое всегда аккумулирует отрицательную семантику. В романе В. Астафьева «Прокляты и убиты» всеми признаками *антидома* наделена казарма. Из родительских семей ребята попадают в атмосферу скученности, озлобленности, морального и физического разложения [1, с. 32]. Характеризуют положение солдат в казарме и выбранные автором лексические единицы: «чертова яма», «подвал», «помещение». В повестях В. Козько «Повесть о беспризорной любви» и «Суд у Слабадзе», посвященных страшному военному детству героев, *антидомом*, безусловно, становится немецкий концлагерь, о котором вспоминает Андрей Разорка, и «киндэрхайм», о котором пытается вспомнить Колька Летечка. Отметим, что страдания, пережитые героями В. Козько в *антидоме*, вытесняют у них память о *доме*.

Однако в произведениях В. Астафьева распространен *мотив превращения антидома в дом* в том случае, если людям, находящимся в *антидоме*, удастся выстроить гармоничные отношения, повторяющие семейные. В данной ситуации границы *дома-семьи* расширяются: он

объединяет людей не только по признаку родства, но становится местом со-бытия людей. Так, старшина Шпатор («Прокляты и убиты») пытается установить в казарме подобие семейных отношений, насколько это возможно, заменить солдатам отца. Ашот Васконян именно в казарме приобретает настоящих друзей, признается матери: «Я в этой яме прозгев, товагишей, способных газделить последнюю кгошку хлеба пгиобгев...» [1, с. 299]. Примечательно, что узы этой дружбы становятся для Васконяна сильнее уз семейного родства, национальной принадлежности и даже возможности спасти собственную жизнь. Ашот твердо решает разделить участь своих товарищей и отправиться на фронт [1, с. 299].

Осмыслению событий Великой Отечественной войны в прозе, как русского, так и белорусского писателей, помимо *топоса дома*, способствует также *топос дороги*. На концептуальном уровне своей внутренней структуры онвоплощает идею духовной эволюции либо деградации личности героя. Отметим, что реализация *топоса дороги* в данном значении в творчестве В. Астафьева и В. Козько при наличии общих черт приобретает и специфические отличия. Духовная эволюция героев В. Астафьева связана с поиском моральных ориентиров во внешнем мире, в то время как нравственное восхождение героев В. Козько – это поиск опоры в самих себе, в своем внутреннем мире.

Так, Михаил, герой повести В. Астафьева «Звездопад», не смог противостоять обрушившейся на него реальности. Война, убедительные доводы матери Лиды, что все это у них «не ко времени», заставляют молодого человека отречься от своей любви, что, с точки зрения В. Астафьева, равноценно гибели. Поэтому на вопрос, обращенный к нему в финале повести «Что, убили кого?» [2, т. 2, с. 193], Михаил утвердительно отвечает: «Убили» [2, т. 2, с. 193], – имея в виду, прежде всего, себя, свою духовную опустошенность. Подобного разрешения любовной коллизии в русской военной повести второй половины XX века до В. Астафьева не наблюдалось.

Размышления о том, что война отнимает у человека нравственные ориентиры, приводит личность к деградации, нашли развитие в повести «Пастух и пастушка». Яркий пример растления человека на войне – образ старшины Мохнакова. Герой, имеющий семью, двоих детей, смелый и удачливый воин, постепенно утрачивает человеческий облик: пытается надругаться над хозяйкой дома, в котором разместился взвод, мародерствует, обирая убитых. Гибель старшины Мохнакова, бросившегося с гранатой под танк, в этом ракурсе представляется не подвигом, а сознательным актом самоубийства, поскольку герой давно тяготился внутренней опустошенностью.

Показательна в этом плане и смерть главного героя повести, Бориса Костяева. Даже внезапно вспыхнувшее во время войны любовное чувство не спасает его от душевного растления. Умирает герой не от полученного ранения: оно, по свидетельству санитарки, было легким. Смерть Бориса Костяева объясняется отсутствием стремления к жизни, отсутствием той внутренней опоры, которая помогла бы герою устоять. Здесь следует обратить внимание на образ безымянного мужика, находящегося незадолго до смерти Костяева с ним в одном санитарном поезде. Ранение его, на первый взгляд, казалось несовместимым с жизнью. Однако проплывающие за окном поезда весенние пейзажи, вид непаханой, запущенной родной земли наполняют крестьянина мыслями о созидательном труде, возвращают его к жизни.

Роман В. Астафьева «Прокляты и убиты» называют первым романом о войне, написанным с христианских позиций. В романе, свидетельствующем о завершении духовной и мировоззренческой эволюции автора, утверждается мысль о том, что путь спасения каждого человека и всего советского общества в целом – это дорога к Богу. Герои романа, молодые ребята, воспитанные в условиях атеизма и культа личности, к Богу обращаются перед лицом смерти, испытав страх, боль и страдания [1, с. 241]. Прямому, праведному пути противопоставлен в романе «кривой путь», которым идут уже не отдельные люди, а вся государственная система, повергнувшая общество в пучину мировой войны и атеизма [1, с. 133–134].

Топос дороги обусловил появление в прозе В. Козько ключевого мотива суда, соотносящегося с библейским. В частности, в повести «Високосный год» мотив суда обусловлен возвращением героя-повествователя в свое военное детство и совершением суда над собой ребенком. Несмотря на то, что присутствие данного мотива в произведении заставляет нас апеллировать к библейской тематике, в повести наблюдаются очевидные отступления от библейских канонов. Детскому восприятию свойственна созерцательность, определенная алогичность, иррациональность. В то время как в доме остаются убитая мама и маленькая сестричка, герой повести, трех-

летний Дима, начинает кататься со снежной горки, вместо того, чтобы звать на помощь. Герой-повествователь с позиции взрослого жестоко и бескомпромиссно судит себя ребенка, опровергая один из постулатов христианской этики о безгрешности детства. Трудно обвинять трехлетнего мальчика в смерти сестрички, однако повзрослевший герой выбирает полный страданий путь возвращения в прошлое, ибо без этого возвращения ему не постичь всей правды о себе, не стать цельной личностью.

Продолжение темы морального суда героя над собой, обусловленного воспоминаниями о военном прошлом, наблюдается и в «Повести о беспризорной любви». Комплекс вины Андрея Разорки связан с образом заключенного концлагеря, у которого он забрал кусочек хлеба в обмен на губную гармошку. В качестве варианта духовного возрождения героя, свидетельства искупления вины в данной повести выступает «беспризорная любовь», чувство, связавшее Андрея и Тамару, девочку из детприемника.

Топос дороги обуславливает присутствие мотива суда и в первой белорусскоязычной повести В. Козько «Суд у Слабадзе», где данный мотив претерпевает определенную трансформацию. Возрождение для Кольки Летечки также связано с возвращением в военное прошлое, с обретением памяти о нем. Однако моральный суд героя в данном случае обращен не на себя. Мальчик совершает путешествие в свои страшные воспоминания для того, чтобы сказать на суде одно слово «Было!», вынести свой приговор преступлениям фашизма, обрести себя. Дорога Летечки в суд – своего рода путь на Голгофу. Ценой своей жизни герой должен оправдать живых перед мертвыми [3, с. 143–144].

Топос дороги в этой повести В. Козько представлен бинарной оппозицией «восхождение – деградация». В произведении происходит суд над бывшими полицейскими, во время войны вступившими на путь предательства и убийства [3, с. 157]. Картина суда помимо реального плана имеет еще и библейский подтекст. Этическая проблематика повести решается с двух позиций – ветхозаветной и евангельской. Ветхозаветную позицию адекватного наказания («вока за вока, зуб за зуб») отстаивает Захарья, которому недостаточно официального приговора суда. За смерть своих детей он хочет заплатить сам. Согласно евангельской позиции Летечки, необходимо не суровое наказание, а искупление вины. Вынося приговор бывшим пособникам фашизма, ныне живущие искупают свою вину перед жертвами войны. О том, что люди помнят убитых, про состоявшийся суд и хочет отнести весть предкам Летечка.

Таким образом, во многих произведениях В. Астафьева и В. Козько поднимается тема войны и военного детства. С точки зрения раскрытия идейно-художественной концепции данных произведений, наиболее репрезентативными являются *топосы дома и дороги*, которые выступают в прозе писателей языком межкультурной коммуникации.

В целом, исследование военной литературы на сравнительно-типологическом уровне дает возможность определить генетическую связь русских и белорусских писателей, охарактеризовать их творческую манеру, раскрыть особенности историко-культурной ситуации второй половины XX века. Кроме того, можно утверждать, что произведения о войне наряду с «деревенской прозой» помогли, как русским, так и белорусским писателям преодолеть каноны соцреализма и вернуться в русло классической реалистической эстетики.

Литература

1. Астафьев, В.П. Прокляты и убиты: роман / В.П. Астафьев. – Москва: Эксмо, 2007. – 832 с.
2. Астафьев, В.П. Собрание сочинений: в 15 т. / В.П. Астафьев. – Красноярск: Оффсет, 1997.
3. Казько, В.А. Судны дзень / В.А. Казько. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1998. – 480 с.